

ПЕШЕХОД

СЛЕДЫ

ПЕШЕХОД

СЛЕДЫ

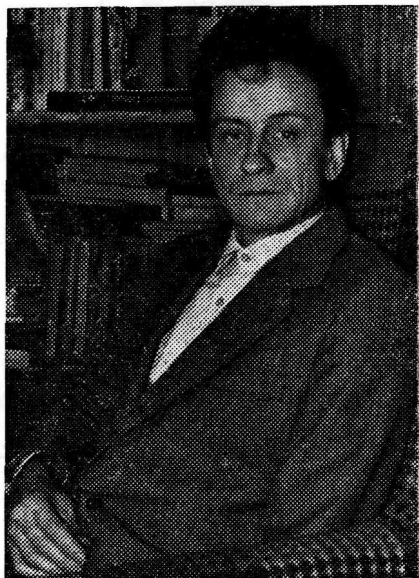
•

РОМАНЫ

Перевод с латышского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1983

Маулиньш Я. Ю.

М 35 Пешеход. Следы: Романы. Пер. с латыш.— М.: Советский писатель, 1986.— 368 с.

Янис Маулиньш вошел в латышскую литературу в середине шестидесятых годов. Сборник «Следы» — первая книга писателя в переводе на русский язык — знакомит читателя с его лучшими произведениями.

Герой романа «Пешеход» юриконсульт Вилис Сваруп преодолевает профессиональные и личные противоречия, связанные с его работой на фабрике.

«Следы» — исторический роман о жизни и борьбе латышей за свою самостоятельность в XVII веке.

4702340200—311
М————— 322—86
083(02)—86

ББК 84. Лат 7

© Перевод на русский язык. Состав и оформление.
Издательство «Советский писатель», 1986 г.

ПЕШЕХОД

РОМАН

ОТ АВТОРА

Перед тем как сесть за это произведение, я поговорил с прототипом главного героя. Он сказал:

— Ты уж, пожалуйста, не очень строго суди меня в своем сочинении, ведь у тебя же нет уверенности, что так ты ближе подойдешь к правде.

— Хорошо, постараюсь,— ответил я.— Боюсь только, что тогда читатели осудят меня вместе с тобой.

— А ты не бойся. Держись. Ты же сам часто твердишь, что красота жизни в борьбе,— неожиданно лукаво возразил простодушный пешеход.

У

1

же несколько минут Вилис Сваруп наполовину бодрствовал. Когда этажом выше, как раз над головой, слышались шаги, он открыл глаза. Рассвет чуть брезжит. Значит, еще несколько минут до будильника. Вилис приподнялся на локте, взял будильник и перевел стрелку звонка на полчаса вперед. Тогда надо будет вставать Вите.

Подниматься не очень-то удобно. Узкое кресло-кровать, продавленное и измятое ребятами лежбище. Вилис уже несколько раз переставлял его, поворачивая покатостью к стене.

Ребята и Вита спят сном праведника. Мальчишки на мягкой бабушкиной тахте за шкафом, Алина в кровати, Лигита с мамой. В комнате душно. Вита ночью закрывает окно, боится, что ребята простудятся. Вилис открывает его. Свежесть плывет под потолком и никого не холодит. В прошлую и позапрошлую зиму, когда Алина была еще маленькая, нет, когда Вита еще ждала ее, Вилис держал форточку открытой всю ночь. Тогда восемнадцатиметровая комната казалась большой-большой. В ночной дали можно было слышать собачий лай, а весной — завывание котов на крышах сарайчиков.

Чувствуется, как в открытое окно вливается сырая ранняя весна. Вита во сне облегченно вздохнула. Ребята спят самозабвенно. Привыкли к нехватке кислорода. Медики

вон уже знают, что городские ребята в деревне первую неделю плохо себя чувствуют. Чистый воздух их возбуждает, выбивает из равновесия, иной раз даже заболевают.

На кухне спит бабушка. Мать Вилиса. Ребячья нянька и радетельница. Только Вилис приоткрывает дверь, как она уже вскочила. Это у нее еще от деревенской жизни, когда она каждое утро в половине пятого вскакивала, чтобы скорей за работу браться.

— Не беспокойся,—говорит Вилис. Это ему сотни раз приходится говорить. Сначала в кухне спал Вилис, но бабушка до тех пор не унималась, пока не отвоевала это место себе. Раскладушка мешает пройти к раковине. Вилис помогает убрать ее.

Во сне он слегка вспотел. Холодная вода приятно освежает руки, лоб, шею. Когда-то они вшестером мылись под одним краном: Вилис тогда плескался, раздевался до трусов, обтирался с головы до ног. Пятеро остальных парней ворчали, что он долго моется. Вилис мечтал тогда об отдельной квартире и отдельном кране. Вот теперь он есть, а желание поплескаться уже почему-то ушло. Видимо, поведение человека не всегда определяется возможностями...

Вилис даже вздрогнул. Что-то вода сегодня очень холодной кажется.

Бабушка уже кипятит чай.

— Хорошо, что газ,—говорит она.

Ко многому в городе она не может привыкнуть. Ворчит и осуждает. Но газу не устает радоваться.

Вилис берет хлеб и намазывает на него творог. Есть утром не хочется, а надо. Обед только в час. К тому же сказано: завтрак съешь сам, обед раздели с другом...

Съев ломоть и запив чаем, Вилис подбирает крошки и бросает в рот. Матери он этого не позволяет. Выговаривает маме за мелочность. Но само действие кажется ему верным. Человек лучше чувствует весомость вещи, красоту ее обретения, если не купается в довольстве, если приходится экономить.

— Рано сегодня будешь? — спрашивает бабушка.

— Нет,—неохотно отвечает Вилис. Еще нет настроения думать о работе. Сейчас он весь в утреннем состоянии, не хочется его спугивать.

Стрелка бежит вперед. Скоро половина восьмого. На лестничной площадке хлопает дверь и стучат шаги.

Нет, все-таки плоховато выспался. Голова какая-то

сдавленная. Кособокий диван виноват. Не забыть бы вечером повернуть его другой стороной. Мелочи эти очень важны. Иной раз, пожалуй, поважнее больших, как сказал бы Алексей, глобальных проблем.

Хотя окно уже полчаса как открыто, воздух еще спертый. Вилис смотрит на ребятишек. Спокойно дышат. Прикасаться к ним нельзя — сразу вскочат. Он припадает головой к щеке жены. Она медленно просыпается, обнимает его за шею. Теплая-теплая. С минуту он выжидает, когда она совсем проснется. Вита прикасается губами к его лбу.

— Пока! — говорит он.

За шкафом зарычал один из мальчишек. Точно львенок. Зигурд, похоже. Вилис выходит в коридор и тихо прикрывает дверь. Застегивая пальто, быстро вылезает из шлепанцев и вступает в уличные туфли. Щелкнула дверная ручка — и он уже на лестнице. Теперь можно смело вздохнуть, ребята не услышат.

Из соседней двери выходит Коля. Коля знает Вилиса, Вилис знает Колю, но они никогда не здороваются. Даже когда Коля по вечерам является пьяный и часами стоит на площадке перед дверью, потому что супруга не пускает его. Человек он тихий и застенчивый, наверное потому и не здоровается первый. А Вилису не очень-то хочется знакомиться с пьяницей. Они правильно оценили друг друга и согласились на мирное, бесконтактное сосуществование.

На улице день уже почти занялся. Облака на восточном небосклоне алые. Тротуары залиты прохожими. Кто кутается, кто трусит рысцой. К трамваю, к автобусу. В воздухе пахнет мартом пополам с дымом из труб. Вилису нравится, когда такое вот утро. Можно прийти в себя. Никто не мешает. А внутри успокаивающее сознание, что ведь не просто болтается, а идет на работу. Хорошо, что человек может, иногда спокойно пройти пешком.

На трамвайной остановке толкуются люди. Главным образом толпятся там, где приходится задняя дверь трамвая. Когда подходит вагон с прицепом, все перемешиваются. Кто порасторопнее, спешит к прицепу. Обычно первым туда вскакивает Скошенный — шатен, сухощавый, трусоватого вида мужичок. Это Вилис про себя прозвал его Скошенным. У него покатым лоб, покатым подбородок, и весь он тщедушный. Несколько раз он отталкивал Вилиса от двери, чтобы нырнуть первым и удобно усесть-

ся. Тогда он благодушно оглядывает окружающих и довольно извлекает газету. В движениях Скошенного столько страстного желания насладиться завоеванными крошечными радостями, что у Вилиса нет сил на него злиться.

Вот и сегодня Скошенный поджидает трамвай. Они переглядываются как знакомые. Сначала этот человек казался неприятным, а теперь даже интересен своей страстной жадой к удобствам.

Трамвай без прицепа и полный. Останавливается ближе к Вилису, чем к Скошенному. Вилис великодушно пропускает знакомого. Скошенный находит удобный уголок возле неработающего билетного автомата и упивается стоянием в нем. Вилис занимает место рядом с двумя словоохотливыми женщинами, которые рассказывают одна другой ужасающие истории об уличных происшествиях. Вилис узнает от них, что самые смелые и отчаянные люди на свете это пешеходы. Женщины, работая языками, отжимают Вилиса от одной ручки на спинке сиденья к другой. Вилису некуда податься. Он вцепляется в ручку и выдерживает натиск. Поняв, что это не поможет, женщины прекращают натиск и невинными глазами смотрят на упрямого пассажира. Вилис глядит в другую сторону. Впрочем, он действительно что-то увидел. Та крошка, которая в прошлом году всю зиму проходила в ультра-мини, теперь натянула длинную юбку, словно красotka из прошлого столетия. Вилис недоумевает, как длинная юбка способна превратить хорошенькие ножки в кривые сучки.

Уже не так тесно. Скошенный уже сидит. На оставшиеся две остановки и Вилису находится место.

Сидящий впереди кожаной перчаткой протирает запотевшее окно и внимательно вглядывается. Сразу видно, что недавно стал работать в этих местах. Старые пассажиры на окна даже не косятся, угадывают остановку по дребезжанию рельсов.

2

Следуя через проходную, Вилис поздоровался с охранником. Этого он никогда не забывает. Особенно после того, как услышал за спиной одобрителное:

— Юрист единственный, кто каждое утро здоровается. Многие считают охранников фабричным имуществом,

а не людьми, просто небрежно суют им пропуск. Вилису охранники близки по профессии. Это коллеги. Если другие так не считают, Вилис строго их не осуждает. Поменять вас местами, такими же станете. Редко кто может простить другому недоверие. А в обязанности охраны входит контрольная проверка. В таких случаях охрана осматривает все сумки, ощупывает карманы и талию. Многим это кажется унижительным, но юристу Вилису Сварупу — нет.

— Скворцы уже появились? — с улыбкой спрашивает охранник, добродушный пухлый человек.

— Не видел, — отвечает Вилис.

— Скоро должны быть.

— Никуда не денутся.

Вилис понимает, что человека занимают не столько скворцы, сколько сам разговор, когда люди беседуют за просто, разговор, в котором сама весенняя свежесть.

В ворота въезжает фабричный автобус — привез служащих и инженерно-технических работников. Вилису становится не по себе. С самого начала его отношения с руководством доставляли неприятные минуты ему, и наоборот. Когда работал заводделом в исполкоме, трудно было разговаривать с подчиненными. Как может человек без угрызений совести что-то приказывать другому человеку, если ему самому что-то неясно? А неясностей в жизни всегда хватает. Ах, если бы можно было приказывать с такой легкостью, как дети палят из игрушечного пистолета. Но у Вилиса характер тяжелый.

Побыв с полгода заводделом, Вилис уже не завидует начальникам. У каждого свои заботы. И все же близость начальства его смущает. Хотя сейчас и его рабочие считают начальством.

Кабинета у юрисконсульта на фабрике нет. Вилис сидит в бухгалтерии вместе с четырьмя бухгалтерами и заместителем главбуха Алексеем Николаевичем Петровым. Это стройный седоватый человек лет пятидесяти пяти. Шустрый и деловитый. На работу приходит за час до начала и остается сидеть, когда все уже расходится. Вежливый и всегда тактичный. Спервоначально его вежливость казалась Вилису подозрительной, чуть ли не насмешливой. А теперь привык и понимает Николаича. Быть вежливым ему так же приятно, как другому марки собирать.

Одним махом Сваруп влетает на пятый этаж. По дороге обгоняет начальника отдела зарплаты, инженера по технике безопасности и двух лаборанток, которые, оста-

новившись на лестничной площадке у окна, разглядывают строящийся административный корпус. Там уже два года стараются одеть железобетонный костяк плотью из кирпичей и блоков. В новом здании предусмотрен большой зал для мероприятий, столовая и современный интерьер.

Слегка запыхавшись, Вилис открывает дверь бухгалтерии.

— Лабрит!

— Лабрит!

Алексей говорит по-русски, но на приветствие отвечает по-латышски.

Девушки еще не явились. Второй свет еще не включен. Алексей экономит электричество. Он никогда по утрам не включает второй ряд ламп, только над своим столом. И не поднимая головы печатает свои платежные ведомости, списки и отчеты. В бухгалтерии всегда трещит машинка. Если не Алексей, то Вилис стучит или приходит инженерша по технике безопасности — с бумагами, порочным ртом и вызывающими ногами.

Щелкает выключатель. Потрепетав, зажигаются лампы дневного света. Вилис садится к столу и достает две папки. На одной «Претензии», на другой «К исполнению». Вилис взглядывает на электрические настенные часы. До начала работы десять минут. Директора или заместителя еще нельзя тревожить, хотя сейчас самая острая необходимость: необходима подпись на двух ответах комбинату «Утренняя заря». Ответы нужно послать срочно, потому что сумма претензий большая, и комбинат непременно обратится в арбитраж.

Чтобы решить, что делать в первую очередь, Вилис медленно листает документы.

Десять дней назад в суд передан иск. Суды обычно с ответами не торопятся. Вилис старался убедить замдиректора, что копия судебного решения вовсе и не нужна, что ответчики покорно выполняют решение, предназначенное для ремонта помещения покинули и пересуживать не собираются. Зам стоит на своем. Нужен порядок! Юристу неудобно возражать против порядка.

Вилис перебирает неоформленные договоры. Тут надо быть внимательным. С той поры как предприятия перешли на новые условия планирования и экономического стимулирования, начались взаимные обманы, даже подтасовки в небольшом масштабе. Вот извольте, договор со среднеазиатской фабрикой «Пробуждение Востока». Все

гладко и верно: номер, дата, подпись. Указан квартал, когда будут поставлены требуемые детали, но нигде не видно года. Возможно, просто проглядели, это самое обычное. А вдруг здесь примешана жуликоватая надежда, что отсутствие цифирки, указывающей на год, не заметят, а коли так, то у них будет свободный выбор, в каком году поставлять. Алексей шутливо ужасается:

— Последнее время многие стали хитрые, как змеи. Упаси бог!

Так что Вилис договор разглядывает внимательно. На обоих экземплярах, хотя правила оформления этого не требуют, жирно пишет чернилами: «Поставки в 1981 году».

Алексей говорит:

— «Красный цилиндр» Московской области сидит на картотеке. Уже два месяца... Не верится, что такой большой завод может два месяца обходиться без средств.

Он показывает письмо Вилису. Там буквально так и написано: «Находимся на картотеке». Это означает, что все расчеты завода взял на себя банк, так как наличность свободных средств у завода со знаком минус. Работникам не выплачивают премии, нет хозяйственных денег.

— Два месяца срок небольшой,— говорит Вилис. Он чувствует, что дело нужно передать в арбитраж. И первое желание у него отделаться от него. Потому и добавляет:

— Требование они же признают. Это значит, что срок договора продлевается.

— Нам деньги тоже нужны. А вдруг обманывают,— не отступается Алексей.

— Ладно,— уступает Вилис. Чего уж тут тянуть. Прав бухгалтер. Рано или поздно, без арбитража не обойтись. Лучше оформить все сейчас, ранней весной, когда еще не греет яркое солнышко. Позже, поди знай, может, еще меньше будет времени. Чтобы отдохнуть и подработать. Его, юрисконсультской, и жены, лаборантской, зарплаты не хватает, чтобы содержать семерых, так что каждый сезон Вилис со своим земляком Мартынем ремонтируют рижанам квартиры. Тогда он на фабрике бывает не больше трех-четырех часов в день, обычно с утра. К полудню у него всегда какие-нибудь дела в министерстве, в исполкоме, в суде или в арбитраже. Как уйдет, так до конца дня уже не возвращается. Алексей понимает, что Вилис болтается где-то на стороне, но лишь посмеивается.

— Ах, в арбитраж?! Понятно.

А девицы хихикают:

— А вы не могли бы, Вилис, после арбитража зайти в кино за билетами? Сегодня вечером хороший фильм.

— Вам билеты дадут в банке,— отвечает тем же Вилис.

Все смеются. Когда раньше он скрывал свои вылазки, все злились. А теперь, когда он уже не прикидывается, все доброжелательны. Люди довольны: их не обманывают, не считают, что их легко провести.

Вилису не очень-то нравится воровать рабочее время. Успокаивает сознание, что обязанности свои он выполняет. С лихвой. Сам перепечатывает документы на машинке, так что частично работает и за машинистку.

Требования, предъявляемые к передаче дела в арбитраж, несложны. Вилис садится за машинку. Когда пальцы и мысль уже разработались, в дверь пролезает объемистая гражданка и спрашивает юриста. Вилис просит ее присесть и застывает в выжидательной позе. Женщина, отдуваясь, вваливается в кресло.

— Что же это, отдельного кабинета у вас нет?

— Нет,— вежливо отвечает Вилис. К жалующимся он всегда очень внимателен. Прежде всего старается вникнуть в самого посетителя. Потом в суть дела. На сей раз рождается подозрение, что гражданка любит позировать и «давить на чувства». Таких он относит к смешанной категории жалобщиков.

— Я хочу проконсультироваться.

— Пожалуйста.

— Могу я подать в суд на того, кто выгоняет меня из квартиры?

— А вы не хотите уходить?

— Ясно, что не хочу.

— Не уходите,— улыбнулся Вилис.— Зачем же вам судиться?

— Не могу больше выдерживать.

— А кто вас гонит?

— Сын... Так получилось. Заставил продать в деревне дом, позвал к себе детей нянчить, а теперь дети большие, жилплощадь мала, я больше не нужна. Покамест транжирили мои деньги за дом, я хорошая была. А теперь ступай, старуха, прочь. Ругают, поносят...

— Вы еще живете с ними?

— Да.

— Суд здесь ничем помочь не может. У вас есть право

оставаться, и вы можете пользоваться этим правом. Ассоры в семье суд не регулирует. Все зависит от вас самих.

— И никак судом не добиться?

— Нет.

Гражданка потрясена столь ясным ответом. С минуту она сидит и молчит, и у Вилиса рождается подозрение, что она уже побывала и в суде и в прокуратуре. Оттого-то теперь и в ошеломлении — до чего все юристы единодушны. Вилис смотрит на клиента и думает: «Как дорого человек расплачивается за ошибки своего характера. Вот вырастила сына, судя по всему единственного, по образу и подобию своему, и вот эти два характера столкнулись. Сила на стороне сына, так что матери на старости приходится менять школу. А это болезненно...»

— Попробуйте, хотя бы шутки ради, одну неделю не противоречить ни в чем молодым, постарайтесь исполнять их желания. Может быть, тогда сын поболеет. А судом им не грозите, это ничего хорошего не даст. Это я вам говорю не как юрист, а как человек.

— Ах, так...

В глазах ее вспыхивают и гаснут гневные огоньки. Жизнь уже приучила сдерживаться.

— Вы у нас уборщицей работаете?

— Да.

— И пенсию получаете?

— Да.

— Значит, как-то прожить можно?

Вилис смотрит ей в лицо, и ему кажется, что ужиться с такой вот тетушкой не очень-то легко.

Вновь глаза его утыкаются в иск «Красному цилиндру». С этим непременно надо кончить до десяти, когда начнется заседание недавно созданной кадровой комиссии. Посетительница, по сути дела, сожрала время. Поэтому он вновь строго повторяет:

— Юрист сейчас вам ничем помочь не сможет.

Жалобщица это улавливает. Извлекает себя из кресла. Вилис облегченно поворачивается к машинке.

Когда часы показывают без нескольких минут десять, он собирает документы и спускается вниз. Иной раз замдиректора до заседания комиссии подпишет какую-нибудь бумагу. Сейчас это важно, потому что с отсылкой договора уже затянули. Пока что ни одно предприятие еще не получило с «Борца» штраф за несвоевременное оформление договора. Но поди знай, что будет в дальнейшем. Эконо-

мическая реформа и впрямь делает людей и изощреннее и требовательнее.

У зама уже сидит начальник отдела кадров, листает заявления, докладные и объяснительные. Видно, что заседание будет долгое,—бумаг куча, а за дверью веренища ожидающих.

Комиссия по кадрам создана, чтобы бороться с нарушением трудовой дисциплины и текучестью. Пока что было лишь три заседания. Члены комиссии являются дисциплинированно. Начальники цехов, начальник отдела труда и зарплаты, заместитель парторга Дудинов, юрист и начальник отдела кадров.

— Прошу уволить, прошу уволить. Одно и то же,—ворчит замдиректора.

— Сколько мы в прошлом году отговорили уходить? — интересуется Дудинов.

— Одного,—отвечает кадровик.

— Да не отговорили,—поясняет начальница отдела труда и зарплаты.—Он же проговорился, что для того и заявление писал, чтобы мы в их спор вмешались и устранили непорядок.

— Тоже хорошо,—усмехается зам.

Все отдают должное его добродушию и спокойствию. Самые острые вопросы в его устах звучат даже весело. Вот и Дудинов тоже всегда спокоен и весел, но куда более язвителен. Он морщится и сердито говорит:

— Раз с производительностью плохо, кадровая комиссия положение поправит, кадровая комиссия работает плохо, еще одна комиссия исправит, пока что не созданная. Вот и исправляют друг друга. Как в газетах пишут: родителей привлекают к воспитанию общества, а за своими детьми им уже некогда приглядывать.

— Да уж проку от наших заседаний мало,—резко подхватывает начальник заготовочного цеха.

Зам молчит. Он никогда не спешит, всегда выждет, пока мысль не созреет. Разговор о целесообразности комиссии поднимается уже второй раз. Новое начинание всегда обсуждают и подвергают сомнению. Вилису тоже кажется, что с таким же успехом комиссии могло бы и не быть, высвободилось бы время для других забот.

— Пока есть нехватка в рабочей силе, текучесть в кадрах мы не уменьшим,—говорит Дудинов.—И трудовую дисциплину улучшить не удастся.

— Это ясно,—морщит лоб начальница отдела труда и

зарплаты. Размышления Дудинова нагоняют на нее тоску.

— Хорошо. Все это разговоры. Давайте-ка по-деловому,— предлагает замдиректора.

Дудинов наклоняется к Вилису и с улыбкой говорит:

— Когда кто-то начинает говорить по-деловому, это тут же превращается в болтовню.

Вилис смеется. Ему непонятно, когда Дудинов говорит серьезно, когда шутит. Как-то он в перепалке с Алексеем сказал:

— А ты знаешь, почему платный труд сменил труд крепостного работника? Потому что раб не был заинтересован в сохранности машины и в тщательной работе.

— Это история,— отмахнулся Алексей, не соображая, куда Дудинов гнет.

— Нет, не история,— возразил Дудинов.— Все проблемы решаются заинтересованностью. В конце концов победит такая экономика, которая человека больше всего поощряет.

— А мораль, политическая убежденность? — улыбнулся Алексей.

— Людей нельзя баловать. Ни детей, ни взрослых. Это действует пагубно на них самих, на работу и мораль. А политика — это надстройка.

— А не наоборот?

— Я тебе серьезно, а ты смеешься,— обиделся Дудинов.

— Тебя не поймешь,— отмахнулся Алексей.

— Да вы что, Алексей Николаевич? — насупился Дудинов. Видно же, что сейчас он говорит серьезно. Вернее будет довериться этому человеку. Но Вилис не может преодолеть в себе предосторожность. Не так-то это просто, когда за тобой стоят четверо маленьких и мать-старуха. Лет десять назад жена очень боялась, что Вилис не глядя переходит перекресток. Теперь он делает это куда осторожнее. Дудинов прав: все зависит от того, что человека поощряет.

Зам продолжает просматривать документы. Заведующая отделом зарплаты вписывает в большую книгу фамилии всех вызванных товарищей. Она секретарь комиссии.

— Хорошо, начинаем,— решает председатель комиссии.

У Вилиса под рукой подписанные документы и толстая книга по трудовому законодательству. Иной раз кто-ни-

будь заупрямится, недовольный пояснениями юриста, хочет увидеть, где там такое написано. Тогда он неторопливо раскрывает нужную страницу. И самому лучше, не надо полагаться только на память.

В кабинет входит молодая женщина, можно даже сказать — девушка. Не старше девятнадцати. Хорошенькая, по-школьному сдержанная. В голубом лабораторном халате, волосы на затылке узлом.

— Присаживайтесь.

Молодая женщина садится и застывает.

— Почему вы уходите с работы?

— Не могу сочетать работу в лаборатории с учебой.

В этот момент в кабинет тихо проскальзывает директорша, низкорослая, с грубоватым, но красивым, самоуверенным лицом. Вилиса всегда потрясает высокомерие этого лица. Особенно с тех пор, когда она хотела заставить юриста преждевременно подписать приказ о выговоре заведующему складом. Было бы еще как-то понятно, если бы она преступила закон в интересах фабрики или ради сохранения своего авторитета. Но налицо была необъяснимая логикой самовольная прихоть. Он поделился недоумением с Алексеем. Тот улыбнулся и сказал:

— Скажи слава богу, что она управляет только фабрикой.

— Слава богу, — вполне серьезно произнес тогда Вилис.

— Уходит? — осведомилась директорша.

— Да, — кивнул кадровик.

— Ради справки в институт устраивались? — резко спросила директорша.

Девушка не ответила. И директорша строго продолжала:

— Отец приходил ко мне, чтобы вас взяли, а вы теперь сбегаете. Только справка вам и была нужна... Так ведь?

Девушка не отвечала.

— Где теперь будете работать? — поинтересовался кадровик.

— Не знаю. Может быть, почтальоншей.

— А там сможете сочетать работу с учебой?

— Да.

— Принесите назад нашу справку, тогда уволим, — заявила директорша.

Вилис заерзал. Подмывало возразить. Он же знает, что институт документы не возвращает, требование юридиче-

ски необоснованно. Единственно, что фабрика может сделать, уведомить институт, что их студентка покинула работу. Но тут же он замялся, да и остальные члены комиссии градом обрушили вопросы. Под конец двое из них заспорили о том, когда «вечерники» посещают лекции — по средам или по четвергам. Девушка клялась, что ей приходится ходить в четверг. Когда этот вопрос кое-как решился, еще продолжали расспрашивать и убеждать.

— Все равно же вам через несколько лет придется искать работу по своей специальности,— предупредила начальник отдела зарплаты.

— Почтальону приходится утром и вечером бегать, там не лучше,— заверил кадровик.

— Братья и сестры есть? — поинтересовался Дудинов.

— Да,— быстро ответила студентка. Глаза у нее большие, темные, светлое открытое лицо, сейчас напряженное. Вилису уже понятно, что она не из беспомощных. Обидеть ее не удастся, она этого не допустит. И уже не корил себя за то, что не вмешался.

— Маленькие или большие? — продолжал Дудинов.

— Маленькие.

— А кто за ними смотрит, когда мать-отец на работе?

— Я.

— А может, все же останетесь? — безнадежно спросил кадровик. Ясно же, что вопрос бесполезный. Но кадровика первого быют за текучесть кадров, так что... Поди-ка разберись, где тут общественные, а где личные интересы.

— Не забудьте принести справку,— еще раз предупредила директорша.

— Ладно,— согласилась девушка.

Когда дверь за ней закрылась, юрист сказал:

— Справку ей не отдадут. Она служит основанием для приема ее в институт. Учреждение не имеет права раскомплектовывать подобные документы. Мы только можем им сообщить об ее уходе.

Вилис и сам удивился, в какую глубокомысленную формулу облек свою мысль. Директорша круто поглядела на него и как будто опомнилась. Кадровик согласно кивнул головой.

— Да, да. Справку не вернут.

И остальные согласно загудели. Как будто все это заранее знали.